

Международный литературный конкурс «Пролёт Фантазии»

Международный литературный конкурс «Пролёт Фантазии» проводится дважды в год, весной и осенью, начиная с 2008 года. Рассказы принимаются круглый год. Работы, присланные до 23:59 третьего понедельника апреля попадают в Весенний Пролёт Фантазии, а присланные до 23:59 третьего понедельника сентября попадают в Осенний Пролёт Фантазии. К участию принимаются ранее не опубликованные (в том числе в Интернет) рассказы на русском языке, написанные в жанре фэнтези, объемом от 7 до 40 тысяч знаков без пробелов. Подробнее <http://fancon.ru/>

Тот, кто живёт за печкой

Автор РОДИОН АГОРИН (Москва)

Закуток между печкой и входной дверью был завешан шторкой в мелкий цветочек. Здесь стояло помойное ведро, прожававшей рукомойник, хранились поломанный ухват и веник, потерявший половину прутьев. Хозяйка в закуток заглядывала редко и его лежанку, конечно, не видела. Потому что прошло уже без малого лет сорок, как она перестала в него верить.

Он кутался в старый тулуп, поеденный мышами и брошенный когда-то в этот же угол, и ужасно мёрз. Печь хозяйка топила редко, лишь в сильные морозы, но от этого тепла он не согревался. И с грустью вспоминал, как некогда хозяйка пекла хлеб в печи, варила кашу или картошку в чугунок. А теперь чугунок уже лет десять валялся здесь же, бесхозный и забытый.

Кто он такой? Жил он так долго, что уже давно не задавал себе этого вопроса. А люди, что делали свои дела по ту сторону печки, его имени не помнили. Так и тянулись долгие дни, от зимы до лета, от осени до весны: он сам по себе, они сами по себе.

И вот однажды в марте, когда снег ещё не сошёл, но под деревьями уже появились прогалыны с пожухлой прошлогодней травой, в доме с весёлым скрипом открылась дверь. И он услышал быстрые и лёгкие шаги, которых в доме давно не бывало.

Выглянув из-за шторы впервые за последний месяц и жмурясь с непривычки на робкое весеннее солнце, он успел заметить лишь краешек цветастого подола, мелькнувший в дверном проёме и тут же пропавший в глубине комнат.

Дом наполнился звонким смехом, в нём снова зазвучали живые голоса. Яркий подол мелькал то тут, то там. Хозяйка снова пекла сладкий хлеб, пусть не в печи, а в каком-то железном ящике, но запахи в доме витали прежние. От всего этого у него кружилась голова, и щемило сердце в предчувствии чего-то необычайного, нового и тёплого.

– Аленька, не ходи за печку, там грязно, – крикнула хозяйка.

Но маленькая ручка уже потянула шторку на себя, и ножки в шерстяных носочках шагнули в его закуток. К нему давно никто не заглядывал, и в первую минуту он так растерялся, что забыл спрятаться. Любопытные голубые глаза уставились на него, и почему-то вместо того, чтобы свернуться клубком и закатиться под печку, он тоже принялся разглядывать человеческую девочку.

– Ты кто? – спросила девочка, ничуть не растерявшись. – Ты здесь живёшь?

– Я живу здесь давно, – ответил он, сам удивившись своему голосу, ведь он ни с кем не разговаривал уже с десятков лет. – А ты кто такая?

– Я – Аля, а тебя как зовут?

Он задумался, потому что сам не помнил, а хозяйка всякий раз называли его по-разному.

– Я не знаю...

– Какой ты смешной! Все должны знать своё имя, – засмеялась девочка. – Пойдём, спросим у бабушки, она всё знает, – и Аля потянула его в комнату.

– Нет-нет, что ты! Мне туда нельзя! Лучше ты приходи, потом, – и он незаметно улыбнулся, концы седых усов над его

редкой бородой слегка приподнялись вверх.

Ночью он выбрался из-за печки. В старые времена ему оставляли на кухне блюдце с молоком и краюшку от карава. Хозяйка давно этого не делала, но пока в доме жила кошка, он не голодал. Мурка делилась с ним молоком, а иногда даже оставляла немного сметаны. Но после того, как старая Мурка ушла, ему перепалили лишь крошки, что случайно смахивали со стола.

Сегодня кухня была прибрана чисто. Хозяйка и её маленькая гостья крепко спали в комнате, и их не тревожило, что он неприкаянно бродит по дому. Он старался не шуметь и не топтать, хотя знал, что многие его братья пугают хозяев, завывая на разные голоса и гремя посудой, особенно, когда их не кормят. Но он не обижался на хозяйку и не хотел никого пугать.

Иногда ночами Мурка заглядывала в дом. Вот и сегодня, когда он подошёл к спящей девочке, разглядывая в свете уличного фонаря её худенькое личико, к нему бесшумно подкралась кошка. Запрыгнув на стул, стоявший возле кровати, она тоже как будто всматривалась в их нежданную гостью. Он улыбнулся Мурке, он всегда был рад её видеть. И кошка промурлыкала что-то в ответ, на понятном только им двоим языке, а потом обернулась хвостом, некогда пушистым, а теперь как будто поеденным молью.

Девочка кого-то ему напоминала, но он не мог понять, действительно ли было это сходство, или же состояло оно просто в схожести чувства, что он испытывал, глядя на Аленьку. Так же он смотрел на своего прежнего хозяина, и было это давным-давно, когда Мурка ещё любила сметану, а нынешняя хозяйка не появилась в их доме.

Дом тогда только-только построили. Печь стояла ослепительно белая, улыбаясь огненным ртом, а в закутке у стены ровной стопкой высились берёзовые поленья. Он пришёл, потому что услышал, как его зовут, но вдруг засомневался: в этот ли дом его позвали? И нерешительно мялся на пороге. Он был тогда совсем молодой и пугливый.

– Заходи, заходи, – ласково улыбнулся ему человек. – Давно тебя жду.

И он шагнул, переступил порожек, подошёл к печке и погрел у огня ладони.

– Значит, это мой дом?

– Твой. Нравится? Завтра хозяйка с детишками заедут. Я печь им сложил, тебя позвал. Принимай работу да обустраивайся.

Любой из его рода знал, что печник, зажигая первый раз огонь в печи в новом доме, призывает кого-то из них, чтобы была у дома живая душа, защитник-охранитель. И в этот день этому человеку они видны, но потом должны прятать-

ся от людского глаза. А он вот уже дважды нарушил этот завет.

А стоило ли ему показываться этой девочке? Она наверняка заглянула в его дом на несколько дней и уедет прочь, забыв обо всём, а он останется здесь со своими воспоминаниями. Может быть, поэтому он и не может никак согреться, потому что расставания морозят душу. Людской век недолог, а память их ещё короче. А что делать, если жизнь твоя так длинна, что уже не помнишь собственного имени? Зато помнишь лица, ставшие дорогими сердцу, помнишь людей, которых оберегал. Да где они теперь?

Он вернулся в кухню, поманив с собой Мурку. Когда-то трехцветная и своенравная, теперь же чуть заметная в лунном свете, кошка бесшумно и легко прыгнула на пол и в несколько прыжков выбежала из комнаты. Он хотел было её погладить, да только вспомнил, что теперь Мурка уже не может погреть руки хозяину.

– Почему киса совсем прозрачная? – вдруг раздался рядом удивлённый голосок.

Он обернулся. Из комнаты вышла босая Аля в ночной рубашке.

– Ты видишь её?

Мурка, очевидно, тоже почувявшая, что её кто-то заметил, подбежала к девочке. Аля уселась на пол, попытавшись взять кошку на руки. И обиженно поморщилась, когда это не получилось.

– Тебя тоже нельзя потрогать? – сердито спросила она, подняв глаза.

Он пожал плечами и подошёл ближе: он не помнил. Может быть, со стороны он кажется таким же серебристо-прозрачным, как кошка. Он присел рядом с девочкой и взял её за руку.

Детская ладошка была очень тёплой, почти горячей, и от этого тепла ему стало радостно.

– Ты живой, – обрадовалась Аля и доверительным шёпотом сообщила: – А бабушка сказала, что ты – бабайка.

– Много эти бабушки понимают, – проворчал он. – Ты надолго к нам, Аленька?

– Я не знаю, – нахмурилась девочка. – Мне сказали, что мама с папой уехали в другой город, а потом увезли в странный дом, там живёт очень много детей и совсем-совсем мало взрослых, и нельзя из этого дома уходить. А потом меня забрала бабушка. А когда мама с папой вернутся, она мне не говорит. Наверное, пока они за мной не приедут, я буду жить здесь. Они за мной вернутся, правда ведь?

Он промолчал, погладил девочку по голове.

– Иди-ка ты спать, а мы с Муркой тебя посторожим.

– А ты завтра придёшь? – зевнула Аля, протирая глаза.

– Приду обязательно, я же всегда здесь.

Днём он дремал в своём закутке под убаюкивающий звук детского смеха. Ему снился старый хозяин. У него были такие же голубые глаза, как у Аленьки, и так же, как она, мальчишка обрадовался, что живущее за печкой существо – живое. А он тогда был ещё молодым и охотно играл в прятки и салочки, поддерживая любую затею хозяина. Им было весело вместе. А потом хозяин вырос. Это случилось как-то вдруг: мальчик стал выше ростом, игры его больше не увлекали, а однажды, вернувшись после долгого отсутствия, хозяин просто больше его не увидел.

С тех пор прошли годы, теперь колени его плохо гнулись, да и спина болела всякий раз, как дунет из окна. Бегать и играть, как тогда, он уже не мог. По вечерам, когда бабушка вязала в комнате, Аля прибегала к нему. Они сидели напротив печки, глядя на огонь и слушая потрескивание дров в топке. Он рассказывал Аленьке разные истории, которые слышал за свой долгий век: о братьях-домовых, о своём старом хозяине, о том, как было всё на свете до того, как она родилась. А когда Аля ложилась спать, он приходил к её кровати и сидел в изголовье, напевая песенку или рассказывая сказку.

Он, наконец, согрелся и перестал таскать старый дырявый тулуп. А однажды, когда под окном зацвели тюльпаны, тайком от бабушки Аля и вовсе тулуп выбросила. Они часто болтали по ночам, и иногда к ним приходила Мурка, вилась вокруг серебристой тенью и невесомо укладывалась поверх одеяла. Кажется, ей тоже нравилась Аленька. Ну или белый пушистый котёнок, которого девочка принесла в дом, потому что Мурке скучно. Он был ещё совсем малыш, такой же любопытный и весёлый, как сама Аленька. Хозяйка не прогнала котёнка, и от взгляда на весёлые игры девочки и её питомца в глазах хозяйки иногда блестели слёзы, но это были слёзы радости.

Под кухонным столом теперь всегда стояло блюдце с молоком. А пока не видит бабушка, Аля приносила ему в закуток пряники и кусочки сахара. Он знал, что Аленька тоже скоро вырастет и перестанет его видеть, но пока он был ей нужен. И он оставался рядом и был этому рад. Он больше не винил старого хозяина, а когда думал о прошлом, вспоминал только хорошие дни.

Глядя на то, как Аленька морщит лоб, разглядывая книжку, как играет с котёнком, или помогает бабушке расставлять на столе тарелки, он думал о том, что нет на свете никакой работы важнее, чем его.

И он будет делать её столько, сколько потребует. Он будет оберегать их и поддерживать огонь в очаге этого дома. Чтобы здесь всегда было тепло. ■